

М.П. Одесский, Д.М. Фельдман

Газетная полемика
в истории романной диалогии
И.А. Ильфа и Е.П. Петрова

Авторы анализируют дискуссии в советской прессе, в которых отражилось официальное отношение к сатирической диалогии И.А. Ильфа и Е.П. Петрова (прежде всего к роману «Золотой теленок»). Особое внимание уделено роли А.В. Луначарского и А.А. Фадеева.

Ключевые слова: советская периодика, И.А. Ильф, Е.П. Петров, «Золотой теленок», А.В. Луначарский, А.А. Фадеев.

Как известно, истории романной диалогии Ильфа и Петрова посвящено множество работ. И характерно, что в большинстве своем исследователи пытались объяснить, почему же книги, признанные классикой советской литературы, воспринимались порою как антисоветские. Ответ на этот вопрос искали и мы, по архивным материалам готовя к изданию романы Ильфа и Петрова, избавленные от правки редакторов и цензоров¹.

Итак, с января 1928 г. московский ежемесячный журнал «30 дней» начал публикацию романа «Двенадцать стульев». К завершению журнальной публикации в июле издательство «Земля и фабрика» выпустило книгу². В январе 1931 г. тот же иллюстрированный ежемесячник (с новым главным редактором В.С. Соловьевым, сменившим на этом посту прежнего покровителя соавторов В.И. Нарбута) начал публикацию романа «Золотой теленок». Она закончилась в декабре³. Но книжное издание, согласно выходным данным, выпущено издательством «Федерация» лишь в 1933 г.⁴ Почему интервал между журнальной публикацией и книжной оказался столь велик – спорят и ныне. Вот и наша статья посвящена этой проблеме.

В августе 1931 г. редакция журнала «30 дней» изрядно удивила читателей. Публикация романа «Золотой теленок» была прервана. Читатели не обнаружили новые главы. Вместо этого – портреты авторов романа и статья А.В. Луначарского о них⁵.

Объяснение вроде бы предлагал редакционный врез. Читателей уведомили: «Статья тов. А. Луначарского является предисловием к американскому изданию книги И. Ильфа и Е. Петрова». На самом деле объяснения не было. Если бы статья предваряла роман или печаталась в качестве послесловия, тогда прагматика ясна. Но заменить ею ожидаемые читателями главы «Золотого теленка», а в следующем номере продолжить публикацию – весьма странное решение.

Луначарский констатировал читательский успех первого романа Ильфа и Петрова. Как в СССР, так и за границей. По Луначарскому, авторы «Двенадцати стульев» способствовали росту государственного престижа, а Ильф и Петров – истинно советские писатели, талантливые пропагандисты. Луначарский отметил, что его цель не только характеристика первой книги Ильфа и Петрова (уже знакомой читателю): вторая книга дилогии, по мнению сановного критика, еще более удачна.

Самое важное Луначарский приберег напоследок. Он декларировал, что привлекательность дилогии обусловлена характером главного героя. Затем – ключевой вопрос: «Почему Остап Бендер не кажется нам отвратительным?» Луначарский отвечал критикам. Суть их претензий была ясна: Бендер – герой отнюдь не положительный, вовсе не образец для советских читателей, значит, ему не положено вызывать симпатии, а коль так, Ильф и Петров не выполнили «социальный заказ». Вот эти упреки и отвергались автором статьи, однако Ильф и Петров, согласно Луначарскому, обязаны довести главного героя до полного и окончательного поражения. Бендеру, как настаивал критик, положено не только проиграть. Само поражение героя – не итог. Великий комбинатор должен измениться: «Думаю, что оказаться ему строителем нового будущего очень и очень трудно, хотя при гигантской очищающей силе революционного огня подобные факты и возможны».

Луначарский последовательно и умело защищал Ильфа и Петрова. Да, в 1931 г. он уже не возглавлял Наркомпрос. Работал в ЦИК СССР. Однако был не только представителем высшей партийной элиты. Еще и академиком. Из редакционного вреза следовало, что вопрос о заграничной публикации романа Ильфа и Петрова решен. Так что статья Луначарского трансформировалась в установочное – правительственное – мнение.

Это был ответ цензорам. Конкретно – Б.М. Волину, ставшему в конце июня 1931 г. руководителем Главного управления по делам литературы и издательств Народного комиссариата просвещения.

Волин получил ранее известность как журналист, рапповский функционер. Он весьма рьяно участвовал в антибухаринских кампаниях. За рвение и был высмеян Ильфом и Петровым в одном из фельетонов на исходе 1929 г.⁶ С учетом такого фактора понятно, в силу какой причины именно в августе 1931 г. журнальная публикация «Золотого теленка» была прервана. Проследить этапы волинской интриги можно по материалам Российского государственного архива социально-политической истории⁷.

Июльский номер журнала «30 дней» был подписан к печати до того, как новый главлитовский руководитель приступил к своим обязанностям. Волин запретил публикацию романа с августа. Конечно, редактор журнала мог бы на уровне вышестоящих партийных инстанций обжаловать главлитовский запрет. Но Соловьев ответил Волину в августовском номере – посредством статьи Луначарского. Это было не менее весомо. Сыграла важную роль и ссылка на уже санкционированное заграничное издание «Золотого теленка».

Журнальную публикацию романа Соловьев продолжил в сентябре, не дожидаясь отмены главлитовского запрета. Формально имел право самостоятельно принимать такие решения. Вместе с ответственностью за них – в случае ошибки. На то и «ответственный редактор».

Волин тоже провел свой административный маневр, направив 7 декабря 1931 г. в Организационное бюро ЦК ВКП(б) обзор периодики. О журнале «30 дней» там сказано:

В ряде номеров печатался «Золотой теленок» Ильфа и Петрова – пасквиль на Советский союз, где банда жуликов совершенно безнаказанно обдeldывает свои дела. Дальнейшее печатание этого пасквиля было прекращено Главлитом. Редакция ответила на это помещением во всю страницу портретов авторов и возмутительной статьей Луначарского ...

Так что с Луначарским спорить Волин не стал. Нашел другое решение. Оно было эффективным. На карьеру руководителя журнала «30 дней» оказало существенное влияние, что и отмечено Т.М. Горяевой – в монографии, посвященной истории советской политической цензуры⁸. Влиятельные друзья вступились за Соловьева. Он был все же «ветераном партии. Вот почему, утратив должность «ответственного редактора» журнала «30 дней», вскоре получил аналогичную в другом издании.

Статья Луначарского была объяснением того, что публикация «Золотого тельца» целесообразна именно с политической точки зрения. И все же выпуск книжного издания надолго задержался. Парадоксальной была ситуация. О ней впервые написала Л.М. Яновская. В 1963 г. вышла ее монография «Почему вы пишете смешно?»⁹. Но речь там шла прежде всего об эксцессах за границей. Согласно Яновской, американское издание романа «Золотой тельца» издатели снабдили

интригующей надписью на суперобложке: «Книга, которая слишком смешна, чтобы быть опубликованной в России». Это возмутило Ильфа и Петрова. Они протестовали в «Литературной газете» против неджентльменского, по их выражению, поведения американских издателей, ссылаясь на то, что роман в России уже опубликован в журнале, готовится к отдельному изданию.

Соответствующее письмо опубликовано «Литературной газетой» 17 ноября 1932 г. Указано даже издательство, готовившее выпуск книги, – «Федерация». Трудно судить, возмутило ли Ильфа и Петрова «неджентльменское» поведение американского издателя. Более вероятно, что напугало. Фразу на суперобложке можно было интерпретировать как мнение авторов романа. Вот они и заявили публично, что «интригующая надпись» появилась без их ведома.

Впрочем, Ильф и Петров не отступили от истины, утверждая в письме, что выпуск книги готовится издательством «Федерация». Довольно большой тираж – 10200 экземпляров – был отпечатан на исходе 1932 г., хотя в выходных данных и указан следующий год.

Причину задержки издания попыталась объяснить дочь Ильфа. Журнал «Вопросы литературы» в январском номере 2001 г. поместил ее вариант публикации черновиков и набросков Петрова к мемуарной книге об Ильфе¹⁰. Для журнальной публикации был подготовлен своего рода коллаж, где записи и наброски Петрова к так и не изданной книге о соавторе перемежались фрагментами воспоминаний современников, публикаций в периодике, материалов семейного архива и т. п. В 2001 г. издательство «Текст» выпустило расширенный вариант подготовленной дочерью Ильфа публикации черновиков и набросков книги Петрова¹¹.

Статью Луначарского дочь Ильфа тоже комментировала. Утверждала, что еще «во время публикации начались разговоры об опасном сочувствии авторов Бендеру». Далее же, ссылаясь на мнение одного из литераторов-современников, отметила, что Петров был огорчен такого рода выводами. Это понятно: «сочувствие»

подразумевало и солидарность с мошенником. После этого приведено письмо А.А. Фадеева. Датировка – 19 марта 1932 г. Хранился документ в семейном архиве публикатора. Обращение автора к адресатам демонстрирует вполне положительное к ним отношение: «Дорогие товарищи Ильф и Петров!»

Начинал Фадеев с извинений. Объяснял, почему медлил с оценкой присланной ему рукописи «Золотого теленка». Фадеев тогда – один из рапповских лидеров, вот и ссылался на занятость. Оценку же рукописи дал отнюдь не обнадеживающую:

Что Ваша повесть остроумна и талантлива, об этом Вы знаете и сами. Но сатира Ваша все же поверхностна. И то, что Вы высмеиваете, характерно главным образом для периода восстановительного. Похождения Остапа Бендера в той форме и в том содержании, как Вы изобразили, навряд ли мыслимы сейчас. И мещанин сейчас более бешеный, чем это кажется на первый взгляд. С этой стороны повесть Ваша устарела. Плохо еще и то, что самым симпатичным человеком в Вашей повести является Остап Бендер. А ведь он же – сукин сын. Естественно, что по всем этим причинам Главлит не идет на издание ее отдельной книгой.

Из сказанного вроде бы следует, что Фадеев был согласен с главлитовскими аргументами. Но при этом, завершая письмо, вновь акцентировал дружелюбие: «С тов<арищеским> приветом...» Получается, что Фадеев лицемерил. Демонстрируя Ильфу и Петрову дружелюбие, по сути, отказал в содействии.

Дочь Ильфа привела еще и свидетельство давнего приятеля авторов романа – В.Е. Ардова. Тот в мемуарах указал, что «Золотой теленок» впервые был издан благодаря вмешательству Горького¹². В свою очередь Ардов ссылался на рассказ Ильфа. Этот фрагмент и воспроизведен публикатором:

За «Теленка» заступился Горький... узнав о затруднениях, обратился к тогдашнему наркому просвещения РСФСР А.С. Бубнову и выразил свое несогласие с гонителями романа. Бубнов, кажется, очень рассердился, но послушаться не посмел, роман сразу был принят к изданию.

Тем не менее предложенная версия убедительна лишь на первый взгляд. Понятно, что книжному изданию препятствовал цензурный запрет. Странно другое. Фадеев тут выглядит как трусоватый лицемер, соответственно, Горький – персонификация бескорыстной силы добра. Однако не сказано, зачем Ильф и Петров

решили послать рукопись именно Фадееву, как могло его мнение о рукописи влиять на выпуск книги. Да и Бубнов, даже если трепетал перед Горьким, не имел полномочий отдавать распоряжения главлитовскому руководству.

Кое-что объясняет фотокопия цитированного выше письма, опубликованная дочерью Ильфа. Это машинопись на бланке журнала «Красная новь» с правкой и подписью Фадеева. Он тогда возглавлял редакцию «Красной нови», так что имел право редакционный бланк использовать. И поскольку в документе нет исходящего номера, постольку ясно: письмо не официальное, а частное.

С учетом контекста понятно, зачем авторы романа обратились к Фадееву. Это обуславливалось изменением советской издательской политики. Ильф и Петров планировали, что книгу выпустит «ЗиФ» к завершению журнальной публикации, как это было с первым романом дилогии. Но тут началась реорганизация – НЭП уже в прошлом. Издательство было ликвидировано, подобно многим прочим, и прежние договоренности утратили силу¹³.

Пришлось Ильфу и Петрову иначе решать задачу книжного издания. Договаривались с издательством «Федерация». Оно было задумано как издательство Федерации объединений советских писателей (ФОСП), созданной еще в 1926 г. ЦК партии тогда планировал, что конкурирующие литературные группировки начнут совместную деятельность. С этой целью и формировалась структура коллегиального руководства «Федерацией». Во главе издательства был Совет, куда входили представители организаций-учредителей. Из его состава выбиралось Исполнительное бюро – при соблюдении принципа равного представительства. Оно и назначало администраторов, курирующих выпуск продукции.

В состав Исполнительного бюро входил Фадеев, а с ним авторы «Золотого тельца» давно уже приятельствовали. Он и в «Красную новь» приглашал их работать. Ильф и Петров в «Красной нови» работать не стали, приятельские же отношения с редактором сохранялись. Его и попросили узнать, что мешает издательству выпустить роман, апробированный журнальной публикацией.

Мнение цензуры Фадеев выяснил. Как положено функционеру, был осторожен даже в частной переписке. Он формально солидаризовался с цензорами, реально же – дистанцировался от них, дважды акцентировав дружелюбие. Пусть в шутку, но воспроизвел главлитовские аргументы. Если точнее – волинские, что и должны были угадать Ильф и Петров.

Именно Волин запретил выпуск романа, уже санкционированный журнальной публикацией. Формально – имел право. Волин был рапповским функционером рангом ниже Фадеева,

но уступать не пожелал. О чем и сообщил руководитель «Красной нови» авторам «Золотого тельца». Личные счета Волин сводил с Ильфом и Петровым. Став главным цензором, он, как отмечалось выше, получил возможность ответить авторам, унижившим его фельетоном. Планировал скандал: прекращение идущей уже семь месяцев публикации дискредитировало Ильфа и Петрова.

Главлитовский запрет Соловьев игнорировал, и тогда главный цензор запретил книжное издание в СССР. Это было отнюдь не бессмысленно. Волин не отвечал за решения предшественника и безбоязненно демонстрировал его ошибку. Заодно и свое рвение. Ну а запрет опять ставил под сомнение лояльность Ильфа и Петрова.

В письме, отправленном 19 февраля 1932 г., Фадеев обозначил намеками, почему не сумел помочь приятелям. Зато с необходимостью подразумевалось: руководство издательства «Федерация» готово выпустить книгу, препятствует лишь Главлит. Значит, Ильф и Петров вольны обращаться в любые инстанции, не будет никаких претензий.

Но вскоре и на поддержку Фадеева не осталось надежд. РАПП и прочие объединения были распущены согласно принятому 23 апреля 1932 г. постановлению Политбюро ЦК партии «О перестройке литературно-художественных организаций»¹⁴. Планировалось создание принципиально новой организации – Союза советских писателей. Возглавить его надлежало Горькому. Сформирован был и Организационный комитет по подготовке I съезда ССП. В состав его вошел Фадеев. Он и нашел способ помочь Ильфу и Петрову. Использовал «Литературную газету», подчинявшуюся Оргкомитету по подготовке I съезда ССП.

23 августа 1932 г. «Литературная газета» опубликовала подборку материалов об Ильфе и Петрове. Общее заглавие – «Веселые сочинители». Характеристика взята из статьи рапповца А.М. Селивановского «Смех Ильфа и Петрова». Она и открывала газетную полосу¹⁵.

Селивановский пространно доказывал, что в качестве сатириков Ильф и Петров не только не вредны, но и весьма полезны советскому государству. Причем еще и растет уровень их мастерства. Так, в «Двенадцати стульях» осмеяны стяжатели, мошенники и литературные халтурщики, и все же юмор иногда – самодостаточная цель. А новый роман лучшего первого: авторы «поступили правильно, когда *физически воскресили* Бендера, для того чтобы *идейно его уничтожить*... Как мы видим, здесь уже исчезает смех ни над чем. А вместе с тем исчезает и обаяние Бендера».

Рядом с цитированной выше статьей помещен фельетон Ильфа и Петрова «Под сенью изящной словесности». Авторы утверждали: «Собранные здесь отрывочные суждения и мысли упакованы нами в маленькую анкету и дают ответы на вопросы, с которыми к нам часто обращаются отдельные лица и небольшие организации»¹⁶.

Помимо вопроса о природе соавторства, формулировались и более существенные. В первую очередь – идеологического характера. Уместным оказался и вопрос об издании, напечатавшем подборку материалов, относящихся к романной дилогии. Формулировался он с расчетом на предсказуемый ответ: «– *Что вам больше всего понравилось в “Литературной газете” за 1932 год?* – Постановление ЦК партии от 23 апреля».

Имитируя анкетную форму, Ильф и Петров вновь отвечали на инвективы противников сатиры. Язвили – при фадеевском попустительстве. Как очередной язвительный намек воспринималась современниками и ссылка на официальный документ, ликвидировавший организацию, что объединяла ревнителей «пролетарской идеологии».

Обычные читательские вопросы чередовались с подразумевавшими возражения оппонентам. Направленность угадывалась:

– *Ваш любимый читатель?*

– Трамвайный пассажир. Ему тесно, больно, его толкают в спину, а он все-таки читает. О, это совсем не то, что железнодорожный пассажир. В поезде читают, потому что скучно, в трамвае – потому что интересно.

– *Ваш любимый редактор?*

– Тут сложнее. Не успеешь полюбить какого-нибудь редактора всей душой, как его уже снимают.

Намек был прозрачным. В журнале «30 дней» печатались оба романа Ильфа и Петрова, но после издания первого утратил должность редактора В.И. Нарбут, а итогом публикации второго стало отстранение В.С. Соловьева.

Под фельетоном на той же полосе – статья Л.В. Никулина, давнего, еще одесского знакомого авторов романной дилогии. Намек, сформулированный в заголовке и обозначенный кавычками – «О месте в “литературном трамвае”»¹⁷, – отсылал к фельетону «Литературный трамвай» Ильфа и Петрова, опубликованному той же газетой 11 августа 1932 г.¹⁸ Никулин утверждал, что Ильф и Петров заслужили право на «почетное, хорошее место в советской литературе, может быть, даже в ущерб некоторым напыщенным и самовлюбленным писателям-единоличникам, осмеянным и уязвленным в романе «Золотой теленок»». Речь, стало быть, шла о классиках советской литературы.

Сообразно такой установке помещен на той же полосе список – «Книги И. Ильфа и Е. Петрова»¹⁹. Семь пунктов в списке. Указаны кроме изданий «Двенадцати стульев» повесть, сборники рассказов и фельетонов, киносценарий. О романе же «Золотой теленок» сообщалось: «Напечатан в журнале “30 дней” за 1931 год. Готовится отдельной книгой в издательстве “Федерация”».

На самом же деле роман был давно подготовлен к публикации. Однако главлитовский запрет оставался в силе. Вмешался опять Фадеев. Он поместил в «Литературной газете» цикл статей, подводящих итоги деятельности РАПП. Во второй, опубликованной 17 октября 1932 г., Ильф и Петров характеризуются как упорно не замечавшиеся критиками «даровитые советские писатели»²⁰.

Фадеев утверждал: такое отношение к романам Ильфа и Петрова – ошибка. Причем обусловленная тем, что соавторы не входили в «повседневную “систему” РАПП». Отсюда следовало, что решение запретить книжное издание романа «Золотой теленок» – тоже ошибка. Причем волинская, обусловленная неизжитым рапповским «левачеством». Волину пришлось пойти на уступку. В конце декабря тираж был отпечатан. Правда, это не соответствовало плану издательства на 1932 г., вот и понадобилось указать следующий год в выходных данных книги.

В августе 1934 г. состоялся Первый съезд советских писателей. Ильф и Петров – в числе делегатов. Примечательно, что прямо с трибуны съезда давний приятель и покровитель авторов «Золотого тельника» М.Е. Кольцов, в ту пору едва ли не самый известный советский журналист, рассказывал делегатам о полемике «на одном из последних заседаний покойной РАПП чуть ли не за месяц до ее ликвидации...». Кольцову, по его словам, «пришлось при весьма неодобрительных возгласах доказывать право на существование в советской литературе писателей такого рода, как Ильф и Петров, и персонально их...».

Не к Фадееву относилась та инвектива. Как раз он и старался помочь Ильфу и Петрову. Вполне допустимо, что выпуск книжного издания «Золотого тельника» ускорило вмешательство Горького. Возможно, он, Фадеев и Кольцов совместно действовали. Однако подчеркнем вновь: ни один из них не мог приказывать Бубнову, а тот не имел полномочий, чтобы отдать приказ Волину. Если разногласия принципиальны, вопрос адресовался ЦК партии. Там он и рассматривался в данном случае. У Сталина же были задачи помасштабнее волинских. Оценил генсек и рвение нового главлитовского руководителя, и талант «веселых сочинителей», умевших популяризовать актуальные пропагандистские установки. Принял, как сказали бы ныне, «сбалансированное решение».

-
- ¹ См., напр.: *Одесский М., Фельдман Д.* Легенда о великом комбинаторе, или Почему в Шанхае ничего не случилось // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев: Первый полный вариант романа / коммент. М. Одесского, Д. Фельдмана; под ред. В. Бабенко. М.: Вагриус. 1997. С. 5–17; *Они же.* Комментарий <к роману «Двенадцать стульев»> // Там же. С. 444–541; *Они же.* Легенда о великом комбинаторе (в трех частях, с прологом и эпилогом) // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок: Первый полный вариант романа / подг. текста, вступ. ст. М. Одесского, Д. Фельдмана; под ред. В. Бабенко. М.: Вагриус, 2000. С. 5–64; *Они же.* Миры И.А. Ильфа и Е.П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М.: РГГУ, 2015.
- ² См.: *Ильф И., Петров Евг.* Двенадцать стульев // 30 дней. 1928. № 1–7; *Они же.* Двенадцать стульев. М.: ЗиФ, 1928.
- ³ *Ильф И., Петров Евг.* Золотой теленок // 30 дней. 1931. № 1–7; 9–12.
- ⁴ См.: *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Федерация. 1933.
- ⁵ Здесь и далее цит. по: *Луначарский А.* Ильф и Петров // 30 дней. 1928. № 8. С. 62–66.
- ⁶ См.: *Ильф И., Петров Е.* Три с минусом // Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1996. Т. 2. С. 372.
- ⁷ См., напр.: *Волин Б.* В Оргбюро ЦК ВКП(б) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 272. Л. 35–38. Опубликовано в кн.: *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР: 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 210.
- ⁸ См.: *Горяева Т.М.* Указ. соч. С. 211.
- ⁹ Здесь и далее цит. по изд.: *Яновская Л.М.* Почему вы пишете смешно?: Об И. Ильфе, Е. Петрове, их жизни и их юморе. М.: Академия наук СССР, 1963.
- ¹⁰ *Петров Е.* Мой друг Ильф / вступ. заметка, сост. и публ. А. Ильфа // Вопросы литературы. 2001. № 1. С. 195–226.
- ¹¹ Здесь и далее цит. по изд.: *Петров Е.* Мой друг Ильф / сост. и коммент. А.И. Ильфе. М.: Текст, 2001.
- ¹² *Ардов В.Е.* Чудодеи // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Советский писатель, 1963. С. 209.
- ¹³ РГАЛИ. Ф. 1821. Оп. 1. Ед. хр. 8.
- ¹⁴ См.: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций // Партийное строительство. 1932. № 9. С. 62.
- ¹⁵ См.: *Селивановский А.* Смех Ильфа и Петрова // Литературная газета. 1932. 23 авг.
- ¹⁶ См.: *Ильф И., Петров Е.* Под сенью изящной словесности // Там же.
- ¹⁷ См.: *Никулин Л.* О месте в «литературном трамвае» // Там же.
- ¹⁸ См.: *Холодный философ.* Литературный трамвай // Там же. 1932. 11 авг.
- ¹⁹ Литературная газета. 1932. 23 авг.
- ²⁰ См.: *Фадеев А.* Старое и новое: «Союзник или враг», и где у нас главная опасность // Литературная газета. 1932. 17 окт.